

О. Романько (Симферополь)

30-я ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ ВОЙСК СС

(к истории иностранных формирований в составе германских вооруженных сил)

До 1943 г. не могло быть и речи, чтобы представители так называемых «восточных народов» могли служить в элите германских вооруженных сил — войсках СС. Тем не менее, ближе к весне этого года, в силу целого ряда военно-политических причин, руководство этой организации было вынуждено пересмотреть свои «расовые стандарты». В результате, вскоре в составе войск СС появился целый ряд частей и соединений, укомплектованных выходцами из Советского Союза. 30-я гренадерская дивизия — одна из них. Чем может быть интересна ее история? Следует сказать, что не только с чисто военно-исторической точки зрения. Дело в том, что во всех перипетиях создания и использования этого соединения, как в капле воды отразилась вся нацистская политика: и в создании подобных формирований вообще, и в отношении «восточных народов», в частности.

В конце июня 1944 г. главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр» СС-группенфюрер Курт фон Готтберг отдал приказ о создании в тылу группы армий «Центр» так называемой Заградительной бригады (*Sperrbrigade*). Эта бригада и подобные ей формирования, должны были сдерживать наступление советских войск до тех пор, пока немцы не восстановят сплошной фронт, уничтоженный советскими войсками в ходе операции по освобождению Белоруссии. С этой целью в район Лангры (Польша) были стянуты все уцелевшие части полиции с территории Белоруссии. Из них и была сформирована Заградительная бригада, получившая 20 июля 1944 г. официальное наименование — Бригада вспомогательной полиции «Зиглинг» (*Schutzmannschaft («Schuma»)-Brigade («Siegling»)*)¹.

Организационно, бригада состояла из четырех полков вспомогательной полиции, основой для формирования которых послужили следующие части:

- 1-й полк «*Schuma*» — белорусские и украинские батальоны «*Schuma*» №№ 57, 60, 61, а также части, находившиеся в подчинении у фюрера СС и полиции округа «Минск»;

- 2-й полк «*Schuma*» — белорусские и украинские батальоны «*Schuma*» №№ 62, 63, 64, а также части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Глубокое» и «Лида»;

- 3-й полк «*Schuma*» — части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Слуцк», «Барановичи» и «Вилейка».

- 4-й полк «*Schuma*» — украинский батальон «*Schuma*» № 101, а также части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Слоним» и «Припять».

Кроме этого, в составе бригады были сформированы специальные и вспомогательные части:

- артиллерийский дивизион — из белорусского артиллерийского батальона «*Schuma*» № 56;

- кавалерийский дивизион — из белорусского кавалерийского дивизиона «*Schuma*» № 68;

- учебный батальон — из белорусского учебного батальона «*Schuma*».

В этот период численность бригады была невелика — около 1,5–2 тыс. человек, так как входившие в нее подразделения были очень сильно потрепаны в летних боях 1944 г. и не были равноценны ни по численности, ни по боеспособности. Например, в 61-м батальоне «Schuma» осталось всего 102 чел. (2 офицера, 2 унтер-офицера и 98 рядовых), тогда, как 65-й батальон сохранил, как и положено, четырехротную структуру и был почти полностью укомплектован (в одной из его рот было 98 немцев и 167 добровольцев). Поэтому первоначально каждый из полков бригады состоял только из двух батальонов. Исключением являлся только 4-й полк, в составе которого находилось три батальона².

Командиром бригады был назначен СС-оберштурмбаннфюрер и подполковник охранной полиции Ганс Зиглинг, который до лета 1944 г. командовал 57-м полицейским полком. По словам «главного опекуна белорусской полиции» майора Франца Кушеля, «это был человек молодой, малоопытный и несдержанный»³. Однако на взгляд немецкого командования, все эти недостатки компенсировались храбростью Зиглинга. Кроме того, он обладал еще одним качеством, которое не часто встречалось у немецких командиров «восточных» добровольческих формирований. В данном случае речь идет о «более-менее человеческом отношении к персоналу своего батальона»⁴.

Одновременно с процессом формирования, бригада использовалась в антипартизанских операциях на территории Польши. Следует сказать, что имевшие большой боевой опыт белорусские и украинские полицейские действовали в этих операциях весьма удачно. В результате, рейхсфюрер СС Гиммлер решил сформировать на основе этой бригады новую дивизию войск СС. 1 августа 1944 г. был отдан соответствующий приказ о передаче всего личного состава и материальной части бригады из-под юрисдикции Главного управления полиции порядка (*Hauptamt Ordnungspolizei*) Главному управлению СС. Вслед за этим бригада, из района Лангры и Цеханова, переводилась под Варшаву (Польша), где из нее и должны были сформировать новую дивизию.

Организация дивизии шла довольно быстро, и в течение августа 1944 г. она, в целом, была уже сформирована, получив в реестре Главного управления СС официальное наименование — 30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская) — (*30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2)*)⁵.

Уже само название дивизии говорило о том, что в ее составе были не только белорусы и немцы. Так, помимо них, в соединение были включены несколько «восточных» батальонов, укомплектованных русским персоналом. Немного позднее, в июле 1944 г., в состав дивизии были также введены 61-й, 62-й и 63-й украинские батальоны «Schuma». Это произошло на том основании, что с 1942 по 1944 год эти части несли охранную службу на территории Белоруссии. Кроме того, целый ряд документов свидетельствует о том, что в составе дивизии было также очень много поляков (ими почти полностью были укомплектованы 1-й и 2-й батальоны 2-го полка, противотанковая и комендантская рота) и некоторое количество армян, поволжских татар и даже чехов⁶.

Несмотря на то, что состав дивизии был очень пестрым, руководство СС не считало нужным создавать в нем подразделения по национальному признаку. Больше всего это беспокоило лидеров белорусских националистов, которые поначалу полагали, что дивизия будет организована, как белорусское формирование. На это у них были свои причины: Франц Кушель писал в своих воспоминаниях, что в сентябре 1944 г. из 11600 личного состава дивизии 7 тыс. были белорусами, а бывший член этого соединения Константин Акула указывал на более чем 80 % белорусов и 20 % всех остальных⁷.

Для того, чтобы придать дивизии хотя бы частично «белорусский вид», в ее штаб в конце августа 1944 г. было направлено 16 офицеров Белорусской краевой обороны (БКА)⁸, чтобы они заняли командные должности в тех час-

тях, где большинство составляли белорусы. Однако командир дивизии Зиглинг отказался принять этих офицеров, сказав, что в его формировании «нет места разделению по национальной принадлежности», так как оно является частью германских вооруженных сил⁹. Со временем, такое отношение немцев к белорусским офицерам послужило причиной многочисленных конфликтов.

Еще один конфликт произошел 24 июля 1944 г. на конференции командного состава дивизии в городе Эльбинг (Восточная Пруссия). Эта конференция была созвана по инициативе главного фюрера СС и полиции фон Готтберга, на которой русским, украинским и белорусским офицерам должны были сообщить, что отныне они члены нового воинского формирования и представить им нового командира. Кроме того, от них требовалось подтвердить свою готовность и дальше сражаться рядом с немцами. В принципе, ни один из пунктов повестки дня конференции не вызвал каких-либо противоречий. Однако, после того как Зиглинг произнес новое название дивизии (а именно, ту его часть, которая указывала на национальную принадлежность — «2-я русская») возникла целая дискуссия. Такому дополнению воспротивился капитан БКА Виталий Микула, который заявил, что он против такого названия, так как белорусских солдат в дивизии большинство, и на этом основании отказывается подчиняться «москалям» (т. е. русским офицерам). Протест Микулы ни к чему не привел, и этому есть целый ряд объяснений:

- во-первых, почти все офицеры-белорусы не занимали высоких командных должностей и не пользовались большим авторитетом у немецкого руководства;
- во-вторых, большинство даже этих офицеров не захотели поддержать своего соотечественника;
- наконец, в-третьих, как пишет Константин Акула, Зиглинг находился под большим влиянием русских офицеров (особенно, своего бывшего сослуживца по 57-му полку и «правой руки» майора Вячеслава Муравьева), которые убедили его, что не следует принимать во внимание белорусский протест.

Этот инцидент закончился, в целом, для Микулы без серьезных последствий. Его, правда, понизили в должности и отправили командовать одним из взводов дивизии, где он, естественно, не мог оказывать большого влияния на весь белорусский персонал. Однако он напрасно думал, что немцы о нем забыли. Осенью 1944 г. они, воспользовавшись тем, что из батальона, где служил Микула, дезертировало несколько солдат, арестовали его и сожгли в крематории Дахау¹⁰.

История конференции в Эльбинге является весьма поучительной в том плане, что даже на третьем году войны немцы так и не научились разбираться в национальных отношениях среди «восточных» народов. Кроме того, эта конференция дает некоторое представление о национальном составе офицерского корпуса дивизии. Так, можно понять, что он, в целом, состоял из немцев (в их число входят также «фольксдойче»¹¹ из Польши), русских, украинцев, белорусов и поляков. Почти половина офицеров были немцами. Следующей по величине группой были русские. Украинцы, в основном, сильно «русифицированные», были третьей группой. Численно меньшая по сравнению с другими белорусская группа имела также и наименьшее количество офицеров высокого ранга: всего два майора и несколько капитанов. «Еще меньше среди них, — подводит итог Константин Акула, — было белорусских патриотов»¹².

После организации дивизии все командные должности в ней (вплоть до ротного звена) заняли немцы или «фольксдойче», а русские, украинские и белорусские офицеры были при них в качестве заместителей, помощников или командиров более низкого ранга. Зиглинг считал, что так он не нарушит статус дивизии, как соединения германских вооруженных сил, и не обидит

тех, кто поддержал его на конференции в Эльбинге. Только для Муравьева, как близкого друга командира дивизии, было сделано исключение. Более явственно это соотношение между немецким и национальным персоналом можно увидеть на примере 3-го батальона 4-го полка дивизии. Всего в нем по состоянию на 31 июля 1944 г. было: 22 офицера (17 немецких и 5 белорусских), 138 белорусских унтер-офицеров и 433 рядовых.

Слабым местом кадрового состава дивизии было отсутствие в ней достаточного количества офицеров специальных и технических служб, а также офицеров-переводчиков, что особенно было важно в условиях такого национального разнообразия. Например, в том же 3-м батальоне было всего 3 офицера-инженера, 1 офицер-связист и 3 переводчика (хотя последних надо было иметь, как минимум от 7 до 10 на батальон)¹³.

Первое время структура дивизии оставалась такой же, как и в бригаде, только ее полки получили другую номенклатуру:

- штаб дивизии (*Stab der Division*);
- 1-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 1*);
- 2-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 2*);
- 3-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 3*);
- 4-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 4*);
- 30-й артиллерийский дивизион войск СС (*Waffen-Artillerie-Abteilung Nr. 30*);
- кавалерийский эскадрон (*Reiter-Schwadron*);
- учебный батальон (*Feldersatz-Bataillon*).

В этот период в каждом полку дивизии было по два гренадерских (пехотных) батальона¹⁴.

За всю историю своего недолгого существования дивизия, по разным причинам, претерпела целый ряд мелких и крупных реорганизаций. В основном, они сводились к следующим изменениям. 12 сентября 1944 г. в дивизии был организован так называемый Добровольческий батальон Муравьева (*Freiwillige-Bataillon «Murawjew»*), который должен был использоваться как часть специального назначения. 28 сентября 1944 г. были организованы практически все основные подразделения дивизии. В дальнейшем, их количество либо уменьшалось, либо увеличивалось, тогда как «скелет» соединения оставался уже неизменным.

18 октября 1944 г. в каждом гренадерском полку прибавили еще по одному батальону, а уже 24 октября 1944 г. была проведена очередная реорганизация дивизии. В результате, из батальонов всех гренадерских полков сформировали два новых гренадерских полка, а из батальона Муравьева и 654-го «восточного» батальона — третий полк. Эти полки, вместе с остальными частями дивизии, получили новую, двойную номенклатуру, после чего структура соединения стала выглядеть, в целом, следующим образом:

- штаб дивизии (*Stab der Division*);
- 75-й гренадерский полк войск СС (4-й русский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 75 (russische Nr. 4)*;
- 76-й гренадерский полк войск СС (5-й русский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 76 (russische Nr. 5)*;
- 77-й гренадерский полк войск СС (6-й русский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 77 (russische Nr. 6)*;
- 30-й артиллерийский полк войск СС (2-й русский) — *Waffen-Artillerie-Regiment der SS Nr. 30 (russische Nr. 2)*;
- 30-й разведывательный батальон СС (*SS-Aufklärung-Abteilung Nr. 30*);
- 30-я саперная рота СС (*SS-Pionier-Kompanie Nr. 30*);
- 30-я рота связи СС (*SS-Nachrichten-Kompanie Nr. 30*);
- 30-й запасной батальон СС (*SS-Feldersatz-Bataillon Nr. 30*);
- 30-й хозяйственный полк СС (*SS-Nachschub-Regiment Nr. 30*).

2 ноября 1944 г. в составе дивизии произошли новые, и окончательные, изменения. Ее 77-й полк был расформирован, а часть его личного состава была распределена по двум остальным полкам¹⁵.

В первой половине августа 1944 г. дивизия была направлена из Польши на Западный фронт, в Эльзас (Франция). Ее передислокация осуществлялась по железной дороге отдельными частями, поэтому первые подразделения дивизии прибыли на новое место к 17 августа, а последние — к концу этого месяца. По прибытии подразделения дивизии были расквартированы в районе между Бельфором, Мюльхаузенем и Дижоном в следующих населенных пунктах:

• штаб дивизии, административные, вспомогательные и хозяйственные подразделения — Маркольсхайм;

- штаб и подразделения 1-го гренадерского полка войск СС — Мюссиг;
- штаб и подразделения 2-го гренадерского полка войск СС — Саазенхайм;
- 30-й разведывательный батальон СС — Макенхайм;
- 30-й артиллерийский дивизион войск СС — Хессенхайм;
- 654-й «восточный» батальон — Бутцхайм;
- 30-й запасной батальон войск СС и 30-й учебный батальон СС — Нойбрайзах (на полигоне для подготовки саперов);
- Добровольческий батальон Муравьева — Страйткопф;
- 30-я саперная рота СС — Хайдельсхайм¹⁶.

Здесь перед ее личным составом была поставлена следующая задача: борьба с французскими партизанами («маки»). Надо сказать, что эта задача преследовала двойную цель. Во-первых, непосредственное военное умиротворение данного района. Во-вторых, дальнейшая подготовка дивизии. Немецкому командованию было ясно, что передислокация соединения прервала подготовку его частей, которая, фактически, так и не успела начаться. Естественно, что, имея такой уровень подготовки, эта дивизия не могла быть использована на фронте против регулярных частей противника. Ее бы уничтожили еще до начала какого-либо организованного сопротивления. Поэтому, используя «восточных» добровольцев против французского Сопротивления, немцы надеялись, что они, помимо всего прочего, смогут безопасно приобрести боевой опыт. Однако реальность оказалась несколько иной. Руководство отрядов «маки» почти сразу же получило информацию о том, какого уровня подготовки и вооружения части прибыли бороться против них. В результате, весь сентябрь 1944 г. прошел в непрерывных стычках бойцов дивизии и партизан — по словам американского историка Антонио Муньоса, «они атаковали их, где только могли застать». Атаки «маки» не были, конечно, катастрофическими с военной точки зрения, однако они выматывали силы добровольцев и действовали на них деморализующе. Командование дивизии планировало навязать Сопротивлению свою тактику и извлечь из нее пользу, однако в ответ получило классическую «малую войну», которая никак не способствовала успешному обучению личного состава. Наоборот, и немецкие офицеры, и «восточные» добровольцы были вынуждены находиться все время под ружьем, не получая полноценного отдыха¹⁷.

После высадки союзников на Атлантическом побережье Франции стратегическая обстановка на этом участке Западного фронта значительно изменилась. В середине сентября 1944 г. 1-я французская армия начала угрожать Дижону — самой южной точке операционной зоны 30-й дивизии. В результате, дивизия, чтобы не попасть в окружение, начала отступать на северо-восток, подвергаясь постоянным нападениям французских партизан. К концу сентября ее удалось вывести из-под непосредственной угрозы в район Кольмара (между Рейном и Вогезами). Зиглинг думал, что здесь, наконец, удастся завершить подготовку соединения, не боясь постоянных нападений партизан. Однако но-

вый приказ командования опять нарушил этот график. Дивизии было приказано как можно скорее выступить на фронт, чтобы поддержать отступающие из Франции немецкие войска. И это, несмотря на то, что Зиглинг неоднократно предупреждал, что его люди еще не готовы к таким акциям. Вооружение же и моторизация дивизии вообще оставляют желать много лучшего: личный состав полков был вооружен трофейным французским, чешским, советским и немецким оружием, в основном, стрелковым. Тяжелого и противотанкового оружия было очень мало, а в некоторых частях его попросту не было вообще.

Тем не менее, 25 октября 1944 г. перед дивизией была поставлена следующая задача: охранять мосты через Рейн до тех пор, пока как можно большее количество частей попавшей в «Кольмарский мешок» 19-й немецкой армии не перейдут на немецкую сторону этой реки. После этого ее личный состав должен был приложить все усилия для того, чтобы мосты были взорваны, а французы и американцы не смогли бы на плечах отступающих немецких войск перейти Рейн.

75-му полку дивизии было приказано занять позиции в районе Груссенхайма. Его 2-й батальон первым прибыл в этот город и сразу же взял под охрану находящийся здесь мост. Остальные батальоны полка прибыли позже и заняли оборонительные позиции между Кюнхаймом и Маркольсхаймом. Сходная задача была поставлена и перед 76-м полком дивизии, который занял оборонительные позиции рядом с 75-м полком в районе Артольсхайм — Бутцхайм — Маркольсхайм — Артенхайм.

Вскоре после сосредоточения разведывательный батальон дивизии провел разведку боем, после которой немецкому командованию стало ясно, что главной целью союзников являются четыре моста через Рейн-канал между Маркольсхаймом и Кюнхаймом. 26 октября 1944 года французы и американцы начали наступление, и если бы не упорное сопротивление 30-й дивизии, мосты были бы захвачены неповрежденными.

Эти, в целом, успешные арьергардные бои решили судьбу дивизии. И 75-й, и 76-й полк понесли такие значительные потери, что на их доукомплектование был пущен новый 77-й полк. Однако дальнейшие бои в Вогезах полностью обескровили дивизию. Особенно их интенсивность возросла в середине ноября 1944 г., когда почти не имевшим тяжелого и противотанкового оружия частям противостояла 1-я французская бронетанковая дивизия. Результатом этих боев стало то, что 30-я дивизия почти полностью утратила способность ко всякого рода боевым действиям. Поэтому немецкое командование отправило ее в тыл.

Вследствие того, что немецкий фронт постоянно отодвигался на восток, дивизию перебрасывали из подчинения одного немецкого корпуса к другому. В целом, за относительно недолгий период своего пребывания на Западном фронте, дивизия находилась в составе следующих корпусов:

- LXIV армейский корпус группы армий «Г» (сентябрь 1944 г.);
- LVIII танковый корпус группы армий «Г» (октябрь 1944 г.);
- LIII, а затем LXIII армейские корпуса группы армий «Г» (ноябрь-декабрь 1944 г.)¹⁸.

Такие катастрофические потери дивизии были только первой причиной, вследствие которой ее сняли с Западного фронта. Еще одним фактором, повлиявшим на это, была низкая дисциплина в большинстве ее частей. Следует сказать, что отправка дивизии на Западный фронт не вызвала особой радости среди ее «восточного» персонала. Дело в том, что русские, украинцы и белорусы хотели сражаться на Восточном фронте против большевиков, чтобы потом вернуться на свою Родину. Немцы же гнали их в бой с англо-американскими союзниками, к которым, как писал Франц Кушель, например, «у белорусов претензий не было». Следствием этого стало ухудшение морального состояния бойцов дивизии, которое и до этого уже было не особенно высоким. Так, находясь еще

на обучении в Польше, личный состав 2-го батальона 1-го гренадерского полка и 1-го батальона 2-го гренадерского полка подняли 27 августа 1944 г. мятеж и убили, по словам американского историка Антонио Муньоса, «столько немцев, сколько смогли найти». Командование дивизии безжалостно подавило мятеж, казнив всех зачинщиков и распустив 2-й батальон 1-го полка. После этого оно, чтобы поднять дисциплину среди других ненадежных частей, перемешало батальоны остальных полков. Все солдаты, которые участвовали в мятеже, а также те, кто казался Зиглингу ненадежными (всего 2300 чел.), были удалены из дивизии и отправлены в строительные части на линию Зигфрида¹⁹.

После этого немецкое командование еще более укрепило в своем мнении, что дивизию необходимо отправить подальше от Восточного фронта. Зиглингу и его начальникам из Главного управления СС казалось, что там, вдали от родины и во враждебной обстановке солдаты дивизии не станут больше восставать. Одновременно они надеялись решить еще одну проблему, связанную с дисциплиной — дезертирство. К слову, эта проблема носила эпидемический характер и преследовала все части дивизии на всем протяжении ее существования. Так, уже 4 августа 1944 г. из 12-й роты 3-го батальона 4-го полка дезертировало 5 чел., 11 августа — еще 4, а к 20 августа личный состав этой роты уменьшился на 50 человек. Эти случаи настолько разозлили Зиглинга, что он даже хотел расформировать весь 4-й полк²⁰.

Во Франции же подобные настроения не только не сошли на нет, а, наоборот, привели к тому, что наиболее недовольные белорусские солдаты и офицеры стали налаживать связи с французскими партизанами и переходить на их сторону поодиночке или группами. Так продолжалось до декабря 1944 г., когда на сторону партизан перешел сразу целый батальон, укомплектованный белорусами, во главе со своим командиром Ваффен-оберштурмфюрером Григорием Зыбайло²¹. Следует сказать, что подобные случаи имели место и в украинских и русских частях дивизии. Например, в ночь с 26 на 27 августа 1944 г. на сторону «маки» перешел весь 2-й батальон 76-го полка (бывшие 62-й и 63-й батальоны «Schuma») ²². Однако самый большой удар по доверию Зиглинга к своим солдатам нанес его друг Муравьев, который вместе со своим батальоном перешел на сторону союзников в ходе ноябрьских боев под Мюльхаузенем²³.

В конце концов, эти события также убедили немцев, что держать 30-ю дивизию во Франции крайне неосмотрительно. Поэтому, как уже говорилось выше, в декабре 1944 г. она была отведена в Германию, где ее разместили на германо-швейцарской границе в местечке Грайфенвор.

Из-за дезертирства, а также вследствие тяжелых боевых потерь, в дивизии на тот период оставалось всего 4,4 тыс. человек. Взвесив ситуацию, Главное управление СС решило 11 января 1945 г. расформировать это соединение, а его кадровый состав передать в другие части. Однако для начала гестапо арестовало нескольких наиболее патриотично настроенных белорусских офицеров и расстреляло их (именно под эту репрессивную кампанию попал капитан Виталий Микула). После этого, кадровый персонал дивизии был передан в следующие формирования:

- в 25-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю венгерскую) — *25. Waffen-Grenadier-Division der SS (ungarische Nr. 1)* и 38-ю моторизованную дивизию СС «Нибелунги» — *38. SS-Panzer-Grenadier-Division «Nibelungen»* были переданы немецкие офицеры и унтер-офицеры;

- а в 600-ю (русскую) пехотную дивизию вермахта (больше известную как 1-я пехотная дивизия Вооруженных сил Комитета освобождения народов России — КОНР) были переданы все русские солдаты и офицеры²⁴.

Оставшиеся белорусы послужили основой для создания нового формирования: Гренадерской бригады войск СС (1-й белорусской) — *Waffen-Grenadier-*

Brigade der SS (weissruthenische Nr. 1). На первое марта 1945 г. структура этой бригады была следующей:

- штаб бригады (*Stab der Brigade*);
- 1-й гренадерский полк (*Grenadier-Regiment Nr. 1*), в составе трех батальонов;
- противотанковый батальон (*Panzerjager-Abteilung*);
- артиллерийский батальон (*Artillerie-Abteilung*);
- кавалерийский (разведывательный) эскадрон (*Reiter-Schwadron*);
- запасной батальон (*Feldersatz-Bataillon*).

Командиром этой части продолжал оставаться СС-оберштурмбаннфюрер Ганс Зиглинг. Все командные должности в ней также занимали только немцы²⁵.

В декабре 1944 г. все обязанности по созданию белорусских добровольческих формирований были переданы в ведение Главного управления СС. В результате переговоров его руководителя СС-обергруппенфюрера Готтлоба Бергера и представителей Белорусской центральной рады (БЦР), было принято решение о формировании новой дивизии войск СС, на это раз — «чисто белорусской». При этом президент БЦР Радослав Островский и его «военный министр» генерал-майор Константин Езовитов, соглашались сотрудничать с СС, только если дивизия будет создана на следующих условиях:

1. Командиром дивизии должен быть немец;
2. Штаб дивизии — смешанный;
3. Командиры полков и ниже — только белорусы; однако, при каждом из них должен был находиться немецкий офицер связи;
4. Все команды должны будут отдаваться только на белорусском языке;
5. В названии дивизии обязательно должно быть слово «белорусская»;
6. Дивизия может быть использована только на Восточном фронте²⁶.

В результате, 9 марта 1945 г. Гренадерская бригада войск СС была переименована в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю белорусскую) — *30. Waffen-Grenadier-Division der SS (weissruthenische Nr. 1)*²⁷.

Все вопросы по вербовке добровольцев для новой дивизии были возложены на Военный отдел БЦР. Но, поскольку среди военных их было недостаточно, в начале марта 1945 г. было принято решение набирать в дивизию так называемых «восточных рабочих» — белорусов, которые были вывезены со своей Родины для работы в сельском хозяйстве или промышленности Германии. Однако результаты такой вербовочной компании были незначительными. В одной из докладных записок Кушеля по этому вопросу говорилось следующее: «Организация дивизии СС идет крайне медленно... Военный отдел БЦР сумел завербовать в дивизию только несколько сот человек. Из обещанной тысячи молодежи... прибыло только около четырехсот человек, при этом часть из них не может быть солдатами по причине молодого возраста — 14- и 15-ти летние юноши. Кроме того, набранная в дивизию молодежь — самая плохая как в физическом, так и в моральном отношениях»²⁸.

Причины таких плохих результатов Кушель видел в следующем:

- в общем военном положении Германии в это время;
- в недоверии к немцам по причине их предыдущей политики относительно белорусского вопроса;
- в личности Ганса Зиглинга, который опять был назначен командующим дивизии.

Не лучше обстояло дело и с командными кадрами будущей дивизии. Как было сказано выше, все офицеры и унтер-офицеры — немцы и русские были переданы в другие соединения. Отчасти положение спас 1-й Кадровый батальон БКА, который в этот период располагался в Берлине. Так, в течение декабря 1945 г. из него на место формирования дивизии в местечко Вайнергаммер (юго-западная Германия), в полном составе были переведены офицерская

и унтер-офицерская школы. Однако, следует сказать, что и в этом случае Зиглинг остался верен себе. Всех прибывших офицеров-белорусов он выделил в особую группу и отправил на переподготовку, а унтер-офицеров распределил на разные хозяйственные должности. Со временем, белорусская офицерская школа была низведена Зиглингом до уровня унтер-офицерской, а унтер-офицерская — вообще ликвидирована²⁹.

В итоге, как из-за нехватки кадрового и личного состава, так и из-за отсутствия необходимого вооружения, из всей планируемой дивизии был сформирован только один полк — 75-й гренадерский полк войск СС (1-й белорусский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 75 (weissruthenische Nr. 1)*. Организационно этот полк состоял из трех гренадерских батальонов и имел следующий командный состав:

- командир полка — СС-штурмбаннфюрер Франц Геннингфельд;
- 1-й гренадерский батальон (командир — Ваффен-штурмбаннфюрер Антон Сокол-Кутыловский);
- 2-й гренадерский батальон (командир — Ваффен-гауптштурмфюрер Дмитрий Чайковский);
- 3-й гренадерский батальон (командир — Ваффен-гауптштурмфюрер Тамила);
- офицером связи между немецким командованием дивизии и белорусским личным составом был назначен майор БКА Борис Рогуля³⁰.

Кроме этого, Зиглинг, еще в период развертывания дивизии, выбрал лучших белорусских офицеров, унтер-офицеров и рядовых и сформировал из них специальное подразделение, так называемую Охотничью команду (*Jagdkommando*). Эта команда была присоединена к 38-й дивизии СС «Нибелунги». Начальником команды был немец, и она не имела никакой связи с Военным отделом БЦР, так как место ее дислокации было строго засекречено. Позднее Кушель узнал от белорусских солдат, которые дезертировали из этого подразделения, что во время американского наступления в Баварии, немцы бросили его на произвол судьбы. Однако белорусы не захотели воевать с американцами: часть рядовых и унтер-офицеров сдались без боя, а другие разбежались. Офицеры-белорусы же были увезены немцами в неизвестном направлении³¹.

По состоянию на 30 апреля 1945 г. в 30-й дивизии значилось: 50 офицеров, 132 унтер-офицера, 912 рядовых, 50 лошадей, 16 подвод и 6 полевых кухонь³².

Из-за быстро надвигающегося поражения Германии, немецкое командование так и не успело окончательно сформировать дивизию. Поэтому ее единственный полк было решено передислоцировать в южную Германию, где в этот время немецкое военно-политическое руководство носилось с идеей так называемого «Альпийского редута». В результате, 15 апреля 1945 г. командир белорусского полка СС-штурмбаннфюрер Геннингфельд получил соответствующий приказ. Надо сказать, что это приказ устраивал и руководство БЦР. Только оно решило использовать его по-своему: находясь в южной Германии, было удобнее сдать американским войскам и, таким образом, избежать пленения Красной армией.

25 апреля 1944 г. полк прибыл в местечко Айзенштайндорф (Чехия), где его командование вступило в переговоры с находящимся неподалеку штабом командующего Военно-воздушными силами КОНР генерал-майором Виктором Мальцевым. Последний также направлялся на встречу американцам. В ходе этих переговоров Франц Кушель, являвшийся после исчезновения Геннингфельда, фактически, командиром белорусской дивизии, и Мальцев договорились о совместном переходе линии фронта на следующих условиях:

1. Немецко-американский фронт должен быть перейден совместно, при этом, если немцы окажут сопротивление, то его следовало бы преодолеть общими силами;

2. От войск СС, при переходе на американскую сторону, также требовалось обороняться совместными усилиями;

3. После перехода на американскую сторону фронта белорусская дивизия и формирования генерал-майора Мальцева действуют дальше самостоятельно³³.

Следующие четыре дня прошли в дальнейших совещаниях, в ходе которых были обговорены более мелкие вопросы совместного перехода. Наконец, 30 апреля 1945 г. белорусский полк двинулся в свой последний поход в составе группы Мальцева. Согласно общей диспозиции, белорусским солдатам предстояло захватить мост через реку Реген, которая разделяла немецкие и американские войска, и охранять его до тех пор, пока вся группа войск вместе с обозами не перейдет на ту сторону реки. В результате этой успешно проведенной операции, германо-американский фронт перешли следующие части:

- штаб Военно-воздушных сил КОНР;
- 1-й авиационный полк (личный состав 4-х эскадрилий и школы летчиков);
- 6-я отдельная рота связи;
- 9-й отдельный полк зенитной артиллерии (личный состав 9-ти батарей);
- Отдельный парашютно-десантный батальон (личный состав 4-х рот);
- Школа пропагандистов РОА;
- 75-й гренадерский полк 30-й (белорусской) гренадерской дивизии войск СС³⁴.

Таким образом, в районе города Цвизель (Бавария) в американский плен сдалось около 5100 чел.: 4000 русских и 1100 белорусов. После этого они были разоружены и заперты в помещении местной фабрики. В своих воспоминаниях Кушель отмечал, что американские офицеры отделили белорусов от русских, что, на его взгляд, было признанием самостоятельной белорусской национальности и вселяло некоторую надежду³⁵.

Американцы не ограничились простым разоружением русских и белорусских добровольцев. Приблизительно через час Мальцев и Кушель были вызваны в штаб командира американской дивизии, в полосе которой они перешли линию фронта. Принявший их американский офицер развернул на столе карту и показал на ней место, где Кушель должен был построить свои войска. То же самое, показав на другое место, он приказал сделать генерал-майору Мальцеву. Еще через час белорусский полк был построен в полном порядке. Вскоре явился американский майор с переводчиком, который выслушал рапорт Кушеля и осмотрел построенный личный состав части. Затем майор приказал поделить всех белорусов на группы по 50 человек в каждой, и посадить их на машины, которые уже были подготовлены. После этого приказа американец объявил, что полк не оставят в Цвизеле, а перевезут в лагерь для военнопленных в районе города Кам. Вскоре были поданы грузовики, люди сели в них, и колонна двинулась в путь. Через три часа, уже почти на закате, Кушель, который ехал в передовой машине, увидел в поле огромную толпу народа. Как позже выяснилось, это и был сборный пункт для военнопленных, где в поле, по колено в грязи и за колючей проволокой стояли солдаты разных национальностей: немцы, венгры, словаки, русские, поляки, грузины и др. Сюда же поместили и белорусов.

Бывший боец 30-й дивизии Константин Акула позже вспоминал: «Так, на мокром поле в лагере для военнопленных закончилась белорусская военная эпопея»³⁶. Однако этот конец был только началом нового, трагического этапа в жизни белорусских добровольцев, как и всех тех, советских граждан, кто сотрудничал с немцами в годы войны.

¹ Кушель Ф. Спробы стварэння Беларускага войска. — Мінск, 1989. — С. 17 (пагинация дана по рукописи, хранящейся в архиве автора).

- 2 *Munoz A. J.* Forgotten Legions: Obscure Combat Formations of the Waffen-SS. — New York, 1991. — P. 260, 261.
- 3 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 20.
- 4 *Акула К.* Змагарныя дарогі. — Менск, 1994. — С. 100 (пагинация дана по рукописи, хранящейся в архиве автора).
- 5 *Уильямсон Г.* СС — инструмент террора. — Смоленск, 1999. — С. 245, 246.
- 6 *Дуда А., Старик В.* Буковинський Курінь в боях за українську державність. 1918–1941–1944. — Київ — Чернівці, 1995. — С. 151–153.
- 7 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 18; *Акула К.* Указ. соч. — С. 102.
- 8 Одно из “восточных” добровольческих формирований, которое было создано немцами при помощи белорусских националистов в феврале — мае 1944 года на территории генерального округа «Белоруссия». БКА была фактически разгромлена в ходе летнего наступления Красной армии.
- 9 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 20.
- 10 *Гардзіенка А.* Вайскавец // Наша ніва. — 2000. — № 15(172). — 10–16 красавіка.
- 11 Этим термином в Третьем рейхе называли этнических немцев, которые на 1 сентября 1939 года проживали вне его территории.
- 12 *Акула К.* Указ. соч. — С. 107.
- 13 *Munoz A. J.* Op. cit. — P. 261, 262, 263.
- 14 *Шушков В. И.* Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа ваффен СС. — М. — Минск, 2001. — С. 133.
- 15 *Nafziger G. F.* The German Order of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II. — Conshohoken, 2001. — P. 158.
- 16 *Munoz A. J.* Op. cit. — P. 269.
- 17 *Ibid.* — P. 271.
- 18 *Ibid.* — P. 275–277, 278.
- 19 *Nafziger G. F.* Op. cit. — P. 158.
- 20 *Munoz A. J.* Op. cit. — P. 264, 265.
- 21 *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. — М., 1989. — С. 232; Кстати, многие белорусские добровольцы только некоторое время пробыли в среде французских партизан. На том основании, что до 1 сентября 1939 года более половины из них были гражданами Польши, их зачислили в ряды 2-го Польского корпуса генерала Владислава Андерса, который воевал в Италии в составе английских войск.
- 22 *Дуда А., Старик В.* Указ. соч. — С. 154.
- 23 Bundesarchiv-Militärarchiv, Freiburg, Deutschland, 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 3-30/6, RS 3-30/8.
- 24 *Шушков В. И.* Указ. соч. — С. 134, 146, 147.
- 25 *Munoz A. J.* The Last Levy: SS Officer Roster, March, 1st, 1945. — New York, 2001. — P. 67, 68.
- 26 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 20.
- 27 *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. — М., 2002. — С. 777.
- 28 Национальный архив Республики Беларусь, Минск, Белоруссия. — Ф. 382, оп. 1, д. 20, л. 7.
- 29 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 21.
- 30 *Статкевич Ф.* Як судзілі Антона Сокала-Кутылоўскага (рукопись). — Б.м, Б.г. — С. 2.
- 31 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 23.
- 32 Там же. — С. 26.
- 33 *Колесник А. Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. — Харьков, 1991. — С. 91.
- 34 *Александров К. М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. — СПб., 2001. — С. 335–337.
- 35 *Кушаль Ф.* Указ. соч. — С. 27.
- 36 *Акула К.* Указ. соч. — С. 119.

НЕМЕЦКАЯ ОККУПАЦИОННАЯ ГРУППИРОВКА И ЕЕ СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА (1941–1944)

